

¹¹ В письме к В.И., написанном в ночь со 2 на 3 / с 14 на 15 июня 1895 г., Л. Д. описывает свое отчаяние и слезы: «Да, я плачу, и плачу, и плачу, и снова сон бежит меня...» (1, 241). Л. Д. плачет на бумагу и целует ее: «Сердце разрывается. Пусть слезы мои льются на бумагу. Смотри, они льются по тебе, из-за тебя. <...> Я целую эту бумагу» (1, 242). По словам комментаторов, письмо «написано невнятно и залито слезами» (1, 242). См. также в письме Л. Д. от 11/23 июня 1895 г.: «Я пишу, и рыдания мои сопровождают перу» (1, 259).

¹² См. также письмо Л. Д. к В. И. от 8/20 марта 1895 г.: «Пролежала в постеле <!> до часу дня. В постели, т.е. на моей кушетке, в моей прелестной, как храм красоты, комнате я получила твое письмо, мой возлюбленный. Перечитав его вволю, я прижала его к груди над сердцем, на то место, которое ты любил целовать, и я точно почувствовала тебя во всем существе моем. Какие странные, новые, полные, гармоничные впечатления заставляешь ты меня испытывать» (1, 168).

¹³ См. в письме Л. Д. к В. И. от 18/30 апреля 1898 г.: «Дорогой Кун, имею два твоих письма, перечитываю их три раза в день: утром, днем после завтрака, когда папа идет поспать, и вечером на сон. С тех пор, как имею их, мне стало значительно легче» (1, 572).

¹⁴ В письме к Л. Д. от 8/20 декабря 1896 г. В. И. рассказывает, как он перечитывает старые письма и сверяет даты знаменательных событий в своих отношениях с Л. И.: «Сейчас, найдя случайно старые письма, открыл дату нашей прогулки в Колизей: понедельник, 16-го Июля 94 г. — 17-го мы ездили в Тиволи; 18-го ты уехала в Швейцарию. 15-го ты была в Анцио. Какое совпадение с датой переселения в Булонь. В ночь на 16-ое Июля 95 г. мы, в Булони, окончательно сошлись» (1, 482).

¹⁵ Название страны, в которой разворачивается действие «Повести», в тексте не указано, но для читателя очевидно, что речь идет именно о Руси/России.

¹⁶ «Повесть о Светомире царевиче» цитируется по изданию: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. Римская цифра обозначает книгу, арабские — главу и номер стиха.

¹⁷ Цитируется запись в дневнике Л. Д. от 7 октября 1894 г. Следует отметить, что Л. Д. давала читать свой дневник В. И., поэтому в данном случае позволительно цитировать дневник Л. Д. наряду с ее письмами к В. И.

А. Б. Шишкин Бакинская запись С. В. Троцкого в дневнике Вяч. Иванова 1924 года

Если попытаться назвать мемуарные свидетельства, в которых фигура Вяч. Иванова предстает в своей значительности и неповторимой сложности, то наряду с именами Андрея Белого, Н. Бердяева, М. Кузмина (см. его цикл записей о Башне в дневнике 1934 г.), Ф. Степуна, М. Альтмана, следует назвать Сергея Витальевича Троцкого (1880-1942, погиб в лагере). «Воспоминания» увидели свет в 1994 г. в собранном Н. В. Котрелевым ивановском сборнике. Мемуары С. В. Троцкого содержат крайне интересные свидетельства о Башне Вяч. Иванова, а также о его бакинских годах. Этот текст был написан в 1934 г. с большой временной, почти эпохальной, дистанции, в отрыве от собственного архива и, что наиболее существенно, от его дневников¹. Мемуары С. В. Троцкого представляют собой заметное явление как по глубине осмысления философского и этического потенциала русского символизма, так и по тонкости проникновения в богатый внутренний мир его героев. По-символистски многозначительно звучит последняя фраза «Воспоминаний»: «Над каждым годом, над всякой минутой жизни стоит как бы огненный столб бесконечности» (с. 73).

В строках одного стихотворного послания 1912 г. Вяч. Иванов смог дать С. В. Троцкому три на первый взгляд противоречивых характеристики: «помещик-дилетант», «теодицей тончайших рукодельник», «сердце — воск и ярая свеча»². Надо отметить, что слово «дилетант» в культуре серебряного века имело иной смысл, чем в нынешнее время. «В начале XX века в обеих столицах было много изысканно образованных знатоков и цените-

лей, — conoscenti и conoscitori. Они не делали из этого себе профессию, зато, свободные от карьерных или корыстных забот, были чуткими собеседниками, слушателями, советниками, а подчас меценатами выдающихся профессионалов. Чувствительная преданность делала избранных дилетантов конфидентами в одной или нескольких областях, например, вкуса, культуры, религии или дружбы, исповедниками и психологической опорой творцов, не всегда понимаемых публикой и профессиональными критиками. Можно написать книгу о том, как в эволюции искусств именно дилетанты опережали критиков в признании крупных открытий».³

Вторая характеристика Вяч. Иванова относится к религиозному и философскому образу С. В. Троцкого, третья — к его духовному и душевному складу.

В другом стихотворении того же 1912 г. («Соловьиные чары» — III, с. 45), посвященном С. В. Троцкому, Вяч. Иванов называл его «нежный мой брат», а в письме 1928 г. просил переслать своему давнему другу «мой братский привет».⁴ Эти характеристики позволяют нам оценить тон страниц «Воспоминаний», посвященных Вяч. Иванову, и в особенности особому таланту поэта — его дару дружеского общения.⁵

Вяч. Иванов не раз делился с С. В. Троцким своими идеями о сущности дружбы: «Раз как-то разбрался со своим другом (не помню с кем), и тут же сказал: „Не христианские это отношения, если человек человеку не может „дурака“ сказать» (с. 50). По словам С. В. Троцкого, «талант духовного общения, дар дружбы есть, в сущности, дар любви; неугомонная заинтересованность в человеке, исканье, служение человеку, любованье им по возможности — вот это что» (с. 50)⁶. Крайне примечательно в этой связи следующее свидетельство мемуариста: «В. И. смеясь говорил, что он шпион, что он доискивается и высматривает, и разузнает, как ярый шпион; но с какой любовью!» (с. 50). Здесь мысль Вяч. Иванова о дружбе-любви свернута, а эксплицирована она в стихотворении 1909 г. «Подстерегателью», обращенном к Велимиру Хлебникову, также частому посетителю башенных собраний: дружба-любовь есть проникновение, познание, откровение «Другого»:

Нет, робкий мой подстерегатель,
Лазутчик милый! я не бес,
Не искуситель — испытатель,
Осенок, циркуль, лот, отвес.

Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца — и в вязкий взор

А. Б. Шишкин [398]

Я погружаю взор, лукаво
Стеля, как невод, разговор.

<.....>

Дабы в душе чужой, как в нови,
Живую взрезав борозду,
Из ясных звезд моей Любви
Посеять семенем — звезду.⁷

(II, с. 340).

Подобного рода проникновение в «Другого» могло доходить вплоть до самого глубокого экзистенциального уровня. Вот свидетельство «Воспоминаний» об одной «уединенной интимной беседе» (с. 50) на Башне с Вяч. Ивановым: «С трепетом раненой птицы я рассказал ему об одном случае, бывшем со мною в тот день или накануне. Никто, пожалуй, не понял бы острой значительности моего переживания так, как В. И. Он понял, что замазывать этого нельзя, что надо вскрыть до конца эту рану и дать уже не только личные силы перенести и залечить ее. И он так и сказал: „Пусть это трудно перенести Вам, но я скажу: то, что с вами — символизируется, а это означает“.⁸ Я громко ахнул, закрыл лицо руками, как-то опал весь в кресле и стонал. В. И. опустил на колени, ласкал меня, ободрял. И с такой помощью, в тепле такого нежного и верного сердца, я совладал с опасностью, быть может, навсегда; переживание, которое могло бы отравить мою волю, стать проблемой для воли, и решение было уже не личным делом, а участием моего существа в борьбе и созидании огромных сил жизни» (с. 50).

Пространные цитаты из «Воспоминаний», и в особенности последний фрагмент необходимы нам по той причине, что они бросают свет на записи С. В. Троцкого от 16 февраля 1923, 7 марта 1923 и 16 мая 1924 гг., которые обнаружили в одном из дневников Вяч. Иванова⁹. Сама переплетенная тетрадь для дневниковых записей была подарена Вяч. Иванову М. Кузминым (III. С. 852). Записи С. В. Троцкого внесены в конце дневника на листах 333–339; уже позднее в Риме Вяч. Иванов сделал в этой же книжке записи 1–5 декабря 1924 г.¹⁰

Первая запись С. В. Троцкого датирована 16 февраля 1923 г., то есть днем рождения Вяч. Иванова (л. 336об.). Это гекзаметры (первая строка неточна), которые начинаются с часто используемого в ивановской поэзии и прозе¹¹ евангельского символа зерна, которое должно умереть, чтобы воскреснуть (Ин. 12:24), а завершаются символическим образом

Бакинская запись С. В. Троцкого в дневнике Вяч. Иванова... [399]

Микрокосма-Макрокосма (ср. стихотворение «Небо — вверху, небо — внизу»: Cor Ardens — II. С. 257):

16 февраля 1923.

Хлеба насущного зерна рождаются вновь и вновь,
И бременеет бессмертьем зерно, обреченное смерти.
Нива небесная наша колосьями света обильна;
Радости светом насущным красуется звездное лоно.

Примечательно, что текст стихотворения был переписан в дневник самим Вяч. Ивановым после последней записи Трощкого (л. 339 об.), после этого, как следует думать, половина листа с оригиналом стихотворения была вырезана из дневника; а идентифицирован и присоединен к дневнику этот оригинал только в ходе разборки бакинских ивановских материалов в 2010 г.

Мы опускаем следующее за гекзаметром стихотворение С. В. Трощкого о древе, пути, кресте, распутье, разлуке и встрече, датированное 7 марта 1924 г. (л. 336об.–337) и переходим к его прозаической записи (л. 337об.–339). Она необыкновенно интересна: перед нами развернутая мифопоэтическая реплика, гиперболически восторженная, из диалога двух русских символистов. Опорные слова здесь «нисхождение-восхождение», «снежные вершины дали», «красота», «родник», «кристальный чертог», «друг-сын-жених». Вторая часть этой реплики — серия вопросов «Кто Ты?» — поиски «я» другого, попытки открыть тайну дружбы-любви (филии, по классификации Флоренского). Вот этот текст:

16 мая 24.

Ты мне улыбнулся, Любимый, среди тревог и ожиданий. Луч света упал на картину и сделал ее явной; так улыбка Твоя сбросила тени, подняла деяния и чаяния жизни из сумрачной склоненности к росту и пребыванию. — Но еще больше щедрость Твоего взгляда: в даль покорную повел непрерываемый свет; воздвиглась даль снежными вершинами — в них же пророчество о звездной земле. Кристаллы складывались в венец; и венца коснуться не смея, глянула в глубокую криницу, откуда по моему миру струится кровь; сердце — та криница. Моим ли силам обетован венец? Все силы — в Тебе, но во мне они слагаются; вот — об силе недоумение мое, об силе красоты, ибо ею подымаю твой венец. Единому Тебе, предстоящему в Любви, гляжу в очи; безупречная красота хранит встречу, тихо звенит родник в моей груди, скрытый, себе предоставленный, ибо Ты предстоишь в любви, не смея коснуться моей скрытости. Кто Ты? Зовешь ли в чертог кристаль-

ный, чтобы там одарить радостью, покорить и взискать новую жизнь, которая вознесла бы даже выше мира твое и от меня взятое в красоте и последнем единении? По плоду узнаешь ли Ты доброе дерево? Или, извечно победивший, Ты знаешь, как скорбь иссушила и сожгла во мне плевела, как смиренно цвету в лике души моей и как приношу плод красоты?

Ты сын мой, в коем узнаю Тебя, цветущего нашей любовью! Жених ли ты? Даришь ли или зыскуешь? В ограждении вершин забыть себя перед Тобой и не вопрошать, не искать, только любить... Зачем же не смолкая звенит родник, скрытый в груди? Как соберу я силы красоты, чтобы не угаснуть, не опечалить Тебя?

Во имя исходного смирения — перед Тобой смежаю очи и знать хочу — кого Ты любишь? Кого Ты любишь? Ответ ли покорный твоего сияния? Чашу ли Тобой налитую и Тобой осушаемую? Кто возненавидит свет, чтобы смущать мой дух у венца земли и неба? Звон родника, что слышится неотступно, не далекий ли гром воинств? Кто Ты? Кого Ты любишь? Не пошлешь ли раба, чтобы рассек и вверх в огонь? Или воинства `идут, гремя, чтобы воевать мой венец? Что же вершины не ограждают улыбку Твою, пронизавшую светом дали мира? Собираются ли, чародейством подъятые, силы красоты, чтобы обрушиться у Твоих ног? Кого Ты любишь? Тайну ли мою любишь Ты, жаждешь ее? Возьми без пощады, ибо верна я любви неизреченному вздыханию”.

Замечательно, что текст этот написан на исходе второго десятилетия дружбы С. В. Трощкого и Вяч. Иванова. Характерен в этой связи последний эпизод в общении с поэтом, о котором сообщает С. В. Трощкий: «Незадолго до отъезда из Баку В. И. сказал мне: „Нам надо с вами говорить. Мы еще и не начали — о самом главном”. И это — после двадцатилетней дружбы!» (с. 73). Для русских символистов внутреннее богатство Другого, пределы познания Другого в ситуации истинной дружбы были бесконечны.

(Endnotes)

¹ «Все мои дневники, где день за днем все было замечено, пропали» (Письмо С. В. Трощкого к В. А. Мануйлову от 27 марта 1934 г. / Цит. по Трощкий С. В. Воспоминания / Публ. А. В. Лаврова // Вячеслав Иванов: Материалы и публ. / Сост. Н. В. Котрелев. М. 1994. (Новое литературное обозрение: Теория и история лит., критика и библиогр.; № 10. Историко-литературная сер.; Вып. 1). С. 44; «Все дневники мои, где мною велась достаточно подробная запись всего переживаемого, погибли» (Там же. С. 49). Далее цитаты из «Воспоминаний» даются в тексте с обозначением страницы. Присутствие Трощкого на «среде» 1 марта 1906 г. («молодой философ и беллетрист из Нового Пути») было зафиксировано Вяч. Ивановым (РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 17. Л. 17). Несмотря на посвященные

фигуре С. В. Троцкого последние разыскания, в его биографии остается немало лакун.

² «Послание на Кавказ» // Иванов Вячеслав. Собр. соч. Брюссель, 1971–1987. Т. III. С. 55. Далее ссылки на брюссельское Собр. соч. дается в тексте статьи.

³ Из письма Д. Н. Мицкевича к автору от 17 ноября 2010 г.

⁴ Письмо В. И. Иванова к В. А. Мануйлову от 18 марта 1928 // Лавров А. В. В. А. Мануйлов — ученик Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. СПб., 2010. Сб. 1. С. 668. При дружеской близости, однако, между Ивановым и С.В. Троцким установились отношения учителя и ученика.

⁵ Федор Степун писал об исключительной «симпозиональности» Вяч. Иванова, который «любил и умел слушать чужие мысли» (*Степун Ф.* Встречи. Мюнхен, 1962. С. 143).

⁶ Ср.: «ВИ считал меня знатоком в понимании любви, то есть в ее сущности» (Письмо С. В. Троцкого к Е. А. Миллиор от 17 марта 1932 г. // Вестник Удмуртского университета. Спец. вып., посвященный Е. А. Миллиор. Ижевск, 1995. С. 36).

⁷ Ср. у Флоренского: «Когда же у друзей настанет откровение каждого в каждом, тогда вся личность, с ее полнотою, делается прозрачною — до предвидения того, что сокровенно, до ясно-зрения и ясно-слышания. <...> Но эта взаимное проникновение личностей есть задача, а не изначальная данность в дружбе» (Флоренский П. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 447).

⁸ Многоочия в автографе. По предположению Ю. В. Зобнина, в пропущенных словах С. В. Троцкий открылся в гомосексуальном влечении (Ю. В. Зобнин, в печати). Ср. в дневнике Л. Д. Рындиной от 13 февраля 1913: «Помню лицо женское без лет Троцкого, и вот я была у него, я еще не знала, а он мучился чем-то, а потом стал просить позволить снять с себя маску, и я узнала, что „Я Вам сестра, а не брат“, и вдруг я увидела человека, не женщину и не мужчину. <...> Он — или оно — да тонкая нитка жемчуга на шее, экстаз религиозный, христианство — евангелие и любовь однополая, и слова о том, как это мучительно» (Из дневников Л. Д. Рындиной. Публ. Н. А. Богомолова. // Лица: Биографический альманах. СПб., 2004. [Вып.] 10. С. 211). Для нас сейчас важно то, как Троцкий в «Воспоминаниях» обозначил значение разговора на Башне для собственной судьбы: «Часто событие личной жизни оказывалось символом и не померкало оттого, но связывало человека с космической жизнью» (курсив мой — А. Ш.).

⁹ Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 6. Карт. 1. Папка 5.

¹⁰ Сам дневник доступен на сайте www.v-ivanov.it

¹¹ См. позиции 22823–22827 в составленном В. Литвиновым Указателе словоформ к брюссельскому Собр. соч. В. И. Иванова — http://www.rvb.ru/ivanov/1_critical/1_brussels/word_index/wt_index114.html

Magnus Ljunggren

Fredrik Vetterlund and Ivan Bunin

1

Fredrik Vetterlund (1865–1960) seems mostly forgotten today. The author of poetry, stories, and essays, he was also aliterary scholar and critic. Both in his own writing and as a literary historian (with a doctoral dissertation on Daniel Atterbom) in the early twentieth century he turned to Romanticism. In texts that invariably carried a tone of dreamy melancholy he often looked back in time to his own childhood impressions of the west coast of Sweden.

In the early 1930s Vetterlund became acquainted with Ivan Bunin's writings. There was such an obvious kinship between them. Vetterlund collaborated closely with the Swedish Academy as a consultant to the Nobel Committee in the area of Nordic languages. As the Russian writer became more accessible in Swedish in connection with increasing support for his candidacy for the Nobel Prize, perhaps it was there that he discovered Bunin in earnest. Sigurd Agrell's splendid translations around this time of the emigré's novellas helped in 1933 to make Bunin the first Russian ever to receive it. The award was followed immediately in the first 1934 issue of *Ord & Bild* by a knowledgeable article on Bunin signed Fredrik Vetterlund.

Vetterlund had been in personal contact with Bunin even earlier. In March 1933 (a few months after Bunin had come very close to becoming the 1932 laureate) he sent a letter in French to Bunin in Grasse together with his newly completed, as yet unpublished article in Swedish. He also included